

И. В. Абрамов

1930-е годы в истории северо-сосвинских манси: коллективизация, землеустройство и просвещение

Аннотация. На архивных материалах показано, как советская политика 1930-х гг. радикально изменила жизнь манси Северной Сосьвы. Концептуальные рамки заданы работой Дж. Скотта о проектах государственной модернизации «отсталых» обществ. Охарактеризован политический курс советской власти в отношении коренных народов 1920–1930-х гг., показана природа социальных преобразований. Индустриализация проводилась за счет раскулачивания крестьян и командной экономики. Развернувшаяся инвентаризация ресурсов страны сопровождалась их национализацией. С этих позиций рассматривается земле- и водоустройство в бассейне Северной Сосьвы, проведенное в 1930–1932 гг. Коллективизация на Тобольском Севере представлена как череда мер по оседанию, сселению и объединению коренных жителей в колхозы. Показана непоследовательность, некорректность и поспешность действий власти, обрисованы последствия принудительных реформ. Внедрение новых практик (полеводство, животноводство) происходило в ущерб традиционному укладу хозяйства манси. Детально рассмотрено осуществление первой большой программы по оседанию и сселению полукочевых хозяйств Березовского района в 1940–1941 гг. Это привело к резкому сокращению традиционной поселенческой сети, в первую очередь за счет селений манси. Описана деятельность Сосьвинской культбазы, сыгравшей ключевую роль в продвижении советской культуры и индустриальных технологий в бассейне Северной Сосьвы.

Ключевые слова: манси, коллективизация, землеустройство, просвещение, культбаза.

I. V. Abramov

The 1930s in the history of Mansi the Severnaya Sosva river: collectivization, land management and education

Abstract. The article on archival materials shows how Soviet policy of the 1930s radically changed the life of Mansi the Severnaya Sosva river. Conceptual framework set by the book of John Scott about projects of state modernization of backward societies. The political course of the Soviet regime is characterized towards indigenous peoples of 1920-30s; the nature of social changes is revealed. The Industrialization was held through dispossession of peasants and the command economy. The ensuing inventory of the land resources was accompanied by their nationalization. From this perspective, the article considers land and water management in the basin of the Severnaya Sosva conducted in 1930–1932s. Collectivization in the Tobolsk North is presented as a series of measures on settling, relocation and integration of indigenous people into collective farms. Inconsistency, incorrectness and hastiness of actions of the authorities were showed as well as consequences of forced reforms. It is shown how the introduction of new practices (agriculture, farming) was at the expense of the traditional way of the Mansi people. The article thoroughly considers the implementation of the first big program for the settlement and relocation of semi-nomadic households of Berezov district in 1940–1941s. It has led to a sharp reduction of traditional settlement network, primarily at the expense of the Mansi settlements. The Activity of Sosvinskaya Kultbaza (cultural station), which had a significant role in the promotion of Soviet culture and industrial technologies in the basin of the Severnaya Sosva river, was described.

Key words: Mansi, collectivization, land management, education, cultural station.

Введение

За стремлением государства унифицировать и стандартизировать проявления социальной жизни стоит проблема централизованного управления, попытка достичь прозрачности и ясности видения общества. Антрополог Джеймс Скотт определяет это стремление как высокий модернизм, разбирая в частности, коллективизацию в Советской России как один из проектов кардинальной перестройки социального пространства [1, 151]. В 1929 г. Сталин развернул борьбу с непокорным и неподконтрольным крестьянством для нужд индустриализации, и она коснулась всех без исключения народов Советского Союза, проживавших в разных климатических зонах и социальных условиях. Форсированная коллективизация проводилась без учета природной и этнокультурной специфики регионов страны. Для коренных народов Севера не было скидок, им также предстояло организоваться в колхозы, осесть, заговорить по-русски, откинув собственную историю и традиции.

1920-е. Туземцы – живая сила Тобсевера

Советскому государству до середины 1920-х гг. было не до малых народов Севера. Туземцами интересовались как добытчиками пушнины, которая легко конвертировалась в валюту. Ситуация изменилась в 1924 г., когда при ВЦИК был создан Комитет содействия народностям Севера, ставший разработчиком и проводником национальной политики. Его деятельность было горячо поддержана на местах, созданы региональные отделения, Тобольское стало одним из самых деятельных [2]. Комитету Севера принадлежала ведущая роль в организации по всему Советскому Северу культурных баз – «культурных возбuditелей», сыгравших заметную роль в продвижении советских идей и индустриальных технологий. В области проживания манси целевым стал Сосьвинско-Сартыньинский тузрайон, в области проживания хантов – Казымский. Ставился вопрос о систематической исследовательской туземоведческой работе, но времени на это не осталось – надо было действовать.

Долгосрочной задачей значилось приобщение народов Севера к новой социалистической культуре с опорой на собственное наследие. Человек объявлялся главным богатством Севера. «Отсюда решительная борьба со смертностью, охрана здоровья местного населения – отправная точка деятельности всех учреждений и организаций, работающих на Тобсевере и для Тобсевера, а равно и самих северян без различия степени культурного состояния и национальности» [3, 112]. Текущая жизнь коренных народов оценивалась как угасающая. Из туземцев планировалось «выковать вполне жизнестойкую и ценную не потенциально, как сейчас, а кинетическую – живую силу Тобсевера» [3, 113]. Социальные преобразования объяснялись грядущей индустриализацией, необходимостью мобилизации местных трудовых ресурсов.

Для коренных народов Севера был принят комплекс законодательных мер по защите и поддержке: в 1924 г. приняты декреты «О порядке осуществления мероприятий, имеющих целью охрану туземцев Севера от эксплуатации», «О снабжении населения Крайнего Севера продовольствием и предметами первой необходимости». В 1925 г. туземцы освобождены от всех прямых налогов, в 1929 г. – от несения воинской службы (действ. до 1936 г.). Экономические меры не всегда помогали, потому что по-разному толковались на местах и порой шли вразрез с устоявшимися практиками. Близкая к нулевой грамотность народов Севера была большим барьером для ознакомления со своими правами.

Реформы управления второй пол. 1920-х гг. предполагали самоуправление на низовом уровне и «мягкий» протекторат. «Самобытность края не требует сложных аппаратов управления, а только лиц, которые могли бы, не попирая обычного права, которое крепко держится среди полудикого бродячего населения, смягчить его и приучить обывателя Севера к новому жизненному укладу» [4, 139]. Декрет о временном положении в области управления туземных племен 1926 г. давал право управлять территорией, опираясь на существующие со-

циальные связи, фактически приравняв родство и территорию. Родовые советы были созданы по всему Северу, однако уже к 1930 г. выяснилось, что реальной власти они не имеют, поскольку им не подчиняются создаваемые параллельно хозяйствующие субъекты (кооперативы, артели, фактории). Сами аборигены не были заинтересованы в органе, который был чужд привычным социальным отношениям, финансово несостоятелен, отрывал задействованных в нем людей от хозяйственных практик. Более того, выяснилось, что туземные советы превратились в инструмент продвижения интересов классовых врагов нового строя: «бывшие князцы продолжали оказывать влияние на родовой совет, а иногда фактически брали власть в свои руки» [5, 19].

Исправить ситуацию должны были национальные советы образца 1931 года, организованные не по родовому, а по территориальному признаку. Их учреждение ста-

ло следствием районирования страны по национально-территориальному признаку. Остяко-Вогульский округ был выделен внутри Уральской области в 1930 г., обозначив основной ареал обских угров и титульное место в новой системе управления. Активно проводилась коренизация государственного аппарата, даже если кадровые перестановки вели к снижению эффективности управления. Реальная же власть все больше концентрировалась в руках партийных функционеров. Окружной исполком расположился в новой столице г. Остяко-Вогульске (с 1940 г. – Ханты-Мансийск) и подчинялся Уральскому обкому в г. Свердловске. К началу 1930-х была выстроена жесткая вертикаль: «... все советы и районные исполкомы основным принципом повседневной работы должны считать неуклонное проведение в жизнь национальной политики советской власти и партии» [6, 12].

Коллективизация

7 ноября 1929 г. вышла статья Сталина «Год великого перелома», а 1 января 1930 г. Тобольский Комитет Севера принял постановление «О классовом расслоении туземных племен Тобольского Севера» с установкой на сплошную коллективизацию. Пленум Остяко-Вогульского Комитета ВКП (б) в январе того же года установил на 1930 г. темп коллективизации населения Севера в 66,3 % к общему количеству промысловых хозяйств [7, 8]. О Севере для северян уже не говорят, центральное место занимает дискурс коллективизации, классовой борьбы. Уклад жизни аборигенов получает однозначную трактовку примитивного, подлежащего перестройке.

На Интегралсоюз в 1929 г. была возложена задача колхозного строительства, как на государственный институт, который уже занимался логистикой производства и потребления, артельным объединением. Указывалось, что характер деятельности артелей незначительно отличается от давно существующей на Севере кооперации по формам обобществления труда и по оплате. На сентябрь 1929 г. интегральная коопера-

ция охватывала до 35 % населения Тобольского Севера, объединяя производство и потребление, снабжение и сбыт; 10,6 % рыболовецкого населения Остяко-Вогульского округа было объединено в артели [7, 7]. В Березовском районе интегральная кооперация работала с 1927 г. Это был действующий механизм, в котором было заинтересовано население.

Исходя из плана коллективизации, Интегралсоюз наметил на 1930 г. создать 32 товарищества, 25 артелей и 6 коммун в Березовском районе, которые бы объединили 70 % промысловых хозяйств, занятых охотой и рыболовством [7, 9]. Были установлены три формы объединений, отличающиеся степенью обобществления средств производства: товарищество, артель и коммуна. Обобществление в товариществе касалось только средств основного производства, не касаясь подсобных производств, в артели объединялись все средства производства, за исключением жилища и быта, в коммуне объединялось все.

Скороспелый план ринулись выполнять ради отчетности, колхозы возникали бук-

важно из воздуха, без фондов и паевых взносов. Уже к маю случился массовый выход из колхозов и распад большинства коммун. После статьи Сталина «Головокружение от успехов», бюрократам пришлось быстро устранять перегибы. За проявленную недальновидность окружное партийное руководство было снято Уралобкомом ВКП(б), а искривления предложено исправить [8]. Был составлен новый план с приближенными к реальности показателями и формами объединения, хотя сама задача сплошной коллективизации не отменялась. Имеющиеся 5 коммун в округе перевели на устав артелей, 5 смешанных артелей и 12 рыбартелей перевели на устав простейших объединений [8]. Уральское бюро Комитета Севера потребовало немедленно вернуть часть оленей в личное пользование тех колхозников, у которых они были реквизированы без остатка. Неадекватность начатой по отношению к Северу политики специалистам была очевидна, но для бюрократии с кон. 1920 г. первичным стало следование линии партии, а не эффективность принятых законов и мер.

В 1932 г. коллективизация туземных хозяйств округа составила всего 24 %, что объяснялось неудовлетворительной работой интегральной кооперации и допущенными ранее перегибами. В 1934 г. коллективизация достигла 34 %, и наряду с организационными причинами неудовлетворительных темпов, обозначились происки кулацких элементов [9, 11]. Постоянный поиск врагов стал существенным аспектом коллективизации. Через призму классового подхода рассматривалась собственность и трудовые отношения северян. В рамках

развернувшейся симуляции классовой борьбы, крепкие хозяйства были раскулачены, их имущество конфисковано, члены семей репрессированы. Раскулаченным оленеводам, которым первоначально отказывали в приеме в колхозы, ничего не оставалось как осесть, заняться приусадебным хозяйством и ремесленничеством.

Пик создания коллективных хозяйств в поселках Северной Сосьвы пришелся на 1933–1935-е годы. В 1938 г. насчитывалось 63 простейших производственных объединения, из них около половины располагалось по Северной Сосьве и прилегающему участку Оби. К 1939 году коллективизация в округе достигла 94 %. Население в районе деятельности Сосьвинской культбазы было почти поголовно объединено в колхозы. Единоличные хозяйства составляли 2–3 % [10, 95]. С этого момента чиновники-планировщики исходили из статистического факта, что все сельские жители Березовского района объединены в колхозы, то есть полностью подконтрольны. И когда председатель колхоза в телеграмме начальнику геологической партии просит вернуть назад сбежавших на прииск двух колхозников-манси, это звучит, как требование помещика вернуть крепостных крестьян [11, 24]. Колхоз в сельской местности отныне становится минимальной оперативной единицей управления, за которой власть не различает интересы групп и отдельных людей, если это не письменный донос или угроза власти. Госаппарат оставляет за собой исключительное право принимать решения, вплоть до того, где людям жить, кому молиться и как часто мыться.

Землеустройство

Приполярная перепись 1926–1927 гг. стала главным сводом статистических данных довоенного периода о коренных народах – это была первая перепись, где детально описывалось домохозяйство туземцев; в Уральской области в частности дополнительно собирались сведения о бюджете кочевых хозяйств. Перепись изучала потенциал страны перед рывком-индустриализацией. В 1928 г. Комитет Севера принял решение о

первоначальном земельном и водном устройстве малых народностей северных окраин. На Тобольском Севере ставился вопрос: сколько регион может дать пушнины, мяса, рыбы, леса, руды и сколько дает фактически? Как наладить производственный процесс, чтобы не происходило «оседания для собственного потребления» и прочих досадных для государства недоимок. По данным переписи 1926 г. жители Березовского района

продавали 60 % выловленной рыбы, 97 % пушнины, 20 % продукции оленеводства [12, 25]. Большая часть поступала в местные заготовительные организации. Рынок на тот момент был главным регулятором местной экономики. Государство решило закрепить эту функцию за собой: планировать объемы работ, определять цены, прогнозировать спрос.

Из материалов землеустройства 1930–1932 гг. Березовского района следовало, что в хозяйстве манси преобладают охота (49 %), рыбная ловля (29 %), оленеводство (17 %), а сельское хозяйство носит зачаточный характер [13, 4]. Структура доходов в крупных колхозах существенно меняется в 1935–1936 гг. Новые отрасли – извоз, полеводство, животноводство, кустарный промысел, – формируют в колхозах Сартыньи и Саранпауля на 15–20 % больше доходов, чем охота и рыболовство. В целом, доход на одно колхозное хозяйство по сравнению с 1932–1933 гг. вырос вдвое. Наиболее заметными были перемены в животноводстве. В Ломбовожском сельсовете, где население на 93 % мансийское, прирост крупного рогатого скота в 1933–1938 гг. составил 417 %, лошадей – 367 %; то есть каждое хозяйство заимело корову, в каждом втором появилась лошадь [13, 4].

Возделывание земли и уход за скотом требовали невероятных усилий при незнании основ аграрных работ и нулевой механизации. От навязанного полеводства и животноводства прежде всего страдали женщины, которых отрывали от привычных хозяйственных практик и воспитания детей. Бегство от колхозной работы было обычным делом, как и саботаж различных форм. Около 40 % колхозников в 1938 г. не принимало активного участия в общественном производстве, а каждый пятый устранился из него [14, 337]. Доходы колхозников были малы, люди выживали за счет подсобного хозяйства. Поначалу сохранялся обратный путь в единоличники, когда за невыполнение обязательств в колхозе исключали, но в 1938 г. самовольный выход и исключение из колхозов были запрещены. Статистический факт роста благосостояния колхозников за счет расширения сферы деятельности колхозов, свидетельствует о

том, что колхозная система поглощала промыслы, которые ранее не были обобществлены и приносили людям прямой доход. Справедливо предположить, что реальные доходы людей уменьшались.

Данные, собранные землеустроителями в Березовском районе в 1929–1932 гг. позволили впервые создать карту пользования угодьями, оценить продуктивность урочищ и реальную нагрузку. Были сделаны наблюдения о бессистемном характере эксплуатации охотугодий, о «лихорадочной гонке» за пушниной, о конфликтах пришлых и местных охотников. Охотоведы пришли к выводу, что учреждение коллективных форм и государственных охотхозяйств остановит «разбазаривание зверя» [15, 33]. Аналогично выводы были сделаны специалистами по другим отраслям хозяйства. Как напишет позднее главный землеустроитель округа: «...Наряду с закреплением лучших и ближних угодий за колхозами, образована сеть государственных свободных фондов для последующей организации совхозов, чем созданы предпосылки к плановому и разумному использованию естественных богатств <...> Отныне и навсегда земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное пользование, то есть навечно» [16, 37]. У землеустройства оказался один выгодополучатель – советское государство, которое национализировало земли, принадлежавшие местным народам с момента присяги русскому царю. Ханты и манси перешли на права арендаторов. Окружная газета «Ханты-Манчи Шоп» сообщала, что вотчинному праву был нанесен решительный удар [17].

Следствием массового передела угодий стал конфликт заповедных систем государства и обских угров. Местные лидеры были крайне недовольны рейдами новых артелей на промысел рыбы в священные «богатырские» места. Строго судили тех, кто переметнулся к новой власти, приводил ее политику в жизнь, игнорируя традиции. При организации промысла на р. Ялбынья (по-мансийски – святая речка), принадлежавшей манси Гоголевым, в июне 1930 г. погибли председатель туземного Рика активист-манси Родион Сайнахов и заместитель председателя вновь организованного кол-

хоза – Филиппов Иван [16, 40]. Как итог создаваемые колхозные бригады рыбаков, охотников, пастухов первое время «недо-

понимали своих прав» на использование недавно чужих угодий при жизни их владельцев или наследников.

Просвещение

Вопросы ликвидации безграмотности и методического руководства перед Советами стояли весьма остро, а решались «исключительно слабо». В 1932 г. план по ликвидации безграмотности по округу был выполнен лишь на 63 %, туземного населения охвачено всего 26 % [18, 5]. Председатели созданных на Северной Сосьве колхозов были почти сплошь манси, средний возраст 33–34 года, в массе своей неграмотные, вместо росписи – тамга [19, 22]. Окрисполком в 1932 г. предложил немедленно приступить к строительству школ и интернатов, так как постановление ЦК ВКП(б) о всеобщей начальной школе и СНК о ликбезе не выполнялись в достаточной мере. С проблемами грамотности в частности была призвана бороться Сосьвинская культбаза, заложенная около д. Шомы в 1933 г.

До 1936 г. коренное население враждебно относилось к Сосьвинской культбазе: манси не отдавали детей в школу, открытую в 1934 г., бойкотировали больницу. Контактам сильно мешал языковой барьер. Ни начальники, ни строители базы не знали мансийского языка, манси – русского языка, общение шло через толмачей. Первый переводчик базы, советский активист и бывший батрак Филипп Оманов был убит как раз из-за сотрудничества с базой. Он первым из манси отдал детей в школу культбазы, переехав всей семьей из соседней Рахтыньи [20, 31–32]. В первом наборе школы 1934 г. из 22 детей не было манси, в основном пришли дети русских строителей. Школа-интернат открылась годом позже.

Отношение со стороны коренного населения изменилось в лучшую сторону после кадровых перестановок на базе. Заведующим школой-интернатом в 1935 г. стал А. В. Голошубин, уважаемый в крае человек, владевший тремя языками: русским, мансийским, зырянским. В школу-интернат удалось набрать 66 манси [13, 5]. Изменение отношения связано и с проведением в

1936 г. первой мансийской олимпиады искусств и культуры, которая оставила хорошие впечатления и до войны проводилась каждый год.

Другой полюс отношений вытекал из необходимости ответственных лиц выискивать и находить врагов народа, иначе такими признавались они сами. Порой разгнялся весь состав базы, случалось, что среди работников попадались люди с несоветским прошлым [13, 2]. Из донесения в Березовский райком 1938 г. следует, что вблизи Сосьвинской культбазы ведется усиленная подготовка к восстанию против советской власти. Сотрудниками НКВД «изъято 55 человек чуждого элемента, шаманов, кулаков и бывших белых бандитов» [21, 64].

Базу закончили строить лишь в 1939 г. В состав культбазы вошли больница, красный чум, дом народов Севера, детские ясли, агрозоветучасток, электростанция, ремонтные мастерские. На базе в 1939 г. уже работает дюжина манси на разных должностях. В школе к тому времени учится 142 ребенка: 108 манси, 7 ненцев, 25 русских [22, 5–7]. Действуют интернаты в соседних Сартынье и Верхнем Нильдино, хотя поначалу они тоже столкнулись с недоверием местного населения. С 1936 г. начинает работать пункт ликвидации безграмотности, с 1938 действует красный чум, а в 1939 первый рейс по Северной Сосьве совершает красная лодка. Для повышения эффективности Сосьвинская культбаза в 1938 г. сокращает зону ответственности, действуя только в трех нацсоветах: Сартыньинском, Ломбовожском и Няксимвольском. По причине удаленности были исключены Саранпаульский и Игримский нацсоветы. В 48 подведомственных селениях в 1938 году проживает 2066 человек, из них 1674 манси.

В 1939 г. работают 10 пунктов ликвидации безграмотности с охватом до двухсот человек неграмотных и малограмотных.

Ликвидаторы пользовались авторитетом, поскольку знали два-три языка, могли решать разные вопросы, помимо грамоты. Реальный же уровень их образования мог быть довольно низким, а эффективность обучения оставляла желать лучшего. Тем не менее ступенчатый процесс ликвидации безграмотности и обучения был запущен. В 1938 г. было выпущено председателей колхозов и артелей 35 человек, овощеводов 12 человек, бригадиров по сельскому хозяйству – 11, ликбезработников – 18 и т. д. [13, 27].

Систематическая культурно-массовая работа давала плоды: «мансийцы довольно быстро выделяют из своей среды растущий актив сознательных советских граждан, которые ведут упорную борьбу против старых верований. «Жен посылают лечиться и рожать в больницу, многие стригут косы, регулярно моются в бане, матери чаще купают ребят и стирают белье» [13, 2–3]. На олимпиаде 1939 г., советской идеологией пропитана почти вся художественная самодеятельность. Мансийским авторам приписываются песни на русском языке о Сталине, о культбазе, о зажиточной колхозной жизни, в которой нет места шаманам [23].

К концу 1930-х гг. Сосьвинская культбаза, несмотря на многочисленные трудности, превратилась в опорную точку территории, переориентировав на себя потоки людей и средств на Северной Сосьве. Расчет Комитета Севера на «очаги культурного возбуждения» оказался верен, хотя сама концепция претерпела кардинальные изменения. В 1935 г. культбазы переданы в ведомство Главсевморпути, которое было нацелено на комплексное промышленное развитие Севера. Требовалось в кратчайшие сроки поднять уровень развития северных народов до общесоюзного уровня: этим объясняются значительные ассигнования в образование, медицину, техническое оснащение баз. Хозяйственная функция культ-

баз признана приоритетной. Сосьвинская культбаза обзаводится механическими мастерскими, организует производство кирпичей, держит скотный двор и тепличное хозяйство, снабжает железом и кирпичом для кладки печей. Сотрудники оказывают помощь колхозам в посадке картофеля, использовании сеялок, строительстве парников. Поставлен вопрос о строительстве на базе мельницы, перевалочного пункта для грузов, собачьего питомника и экстракционно-ягодного завода. Как заключает начальник культбазы Самарин, именно правильная экономическая политика станет залогом того, что «народы Севера пойдут в ногу с колхозниками всей страны и осуществят у себя на Севере полную зажиточную и счастливую жизнь» [13, 42].

К концу 1930-х гг. окружные власти отчитывались, что удалось остановить угасание коренных народов, численность хантов и манси в округе за 10 лет его существования увеличилась на 10 %; 56 и 29 % от всего населения соответственно, они на равных участвуют в построении бесклассового общества [10, 88]. При всем скепсисе по отношению к официальной статистике и риторике, успехи советской политики на Севере 1930-х гг. феноменальны. Необкатанность методов и практик компенсировалась энтузиазмом советских активистов и жесткой вертикалью власти, которая проводила решения в жизнь, не взирая на инертность и безволие ряда своих сотрудников, несогласие и сопротивление местных жителей, на некомпетентность в массе вопросов и губительную политическую линию. Изменения в туземной культуре имели взрывной характер, если сравнивать с неспешным течением культуры предыдущих столетий. Как всякие новшества, не выношенные самим обществом, а навязанные ему, они привели к глубоким структурным изменениям культуры.

Укрупнение

Укрупнение колхозов и населенных пунктов на рубеже 1930–1940 гг. стало естественным продолжением экономического курса на индустриализацию. Предприятия

социалистического типа «должны обеспечить превращение труда сельскохозяйственного и промыслового в разновидность индустриального труда, способствуя этим

скорейшему изжитию противоположности между городом и деревней [9, 25]. Логика механизации сельского хозяйства требовала укрупнения хозяйств, а задачи, поставленные перед колхозами – концентрации рабочих рук и техники. Разрушение традиционной поселенческой сети было неизбежным следствием такой политики.

По Северной Сосьве в 1926 г. проживало 2655 манси – 40 % от общего числа жителей речного бассейна [12, 56–87]; остальное население представлено коми-зырянами, русскими, хантами и ненцами. Русские концентрировались в Березове, зыряне и ненцы очагами расселились в Саранпауле, Щекурье, Няксимволе, Сартынье и Березове. Манси селились по всей Северной Сосьве относительно равномерно, смешиваясь с хантами в нижнем течении. Всего в бассейне Сосьвы насчитывалось порядка 118 населенных пунктов.

Созданные на Северной Сосьве во второй пол. 1930-х гг. колхозы в массе своей требованиям советского производства не отвечали: трудоспособное население составляло в среднем 13–15 человек [24, 66–67]. Организованные по юртовому принципу, колхозы были не способны справиться с увеличивающимся объемом работ по полководству и животноводству. Начальник Сосьвинской культбазы тов. Самарин по

вопросу оседания сообщал в 1938 г., что население осознало неудобства, которые имеются при полуседлом образе жизни, десять мансийских селений вокруг базы готовы оставить кочевой образ жизни, а часть населения осуществляет переход на оседлость самостоятельно. Так, например, жители Межи 1936 г. решили переселиться на постоянное место, но им никто не помог, и они живут по-старому. «Вопросом оседания никто не занимается и это стихийное движение надо возглавить» [13, 43].

В июле 1940 г. принят план оседания и сселения кочевых и полукочевых хозяйств по Березовскому району [25, 1]. Кочевников в привычном понимании в Березовском районе не было, а под оседанием полукочующего населения понималось окончательное прекращение циклических миграций манси по сезонным юртам, их приписка к конкретному пункту. Главная цель – ликвидация территориальной разбросанности одиночных колхозных хозяйств. Обозначены сроки, пункты укрупнения, объявлены ударные месячники по переселению, выделены ссуды на перевозку и постройку домов. Уже в 1940 г. в список ликвидированных попадают Оурья-павыл, Нижнее Нильдино, Посолдино в среднем течении Сосьвы (рис. 1) [24, 74].

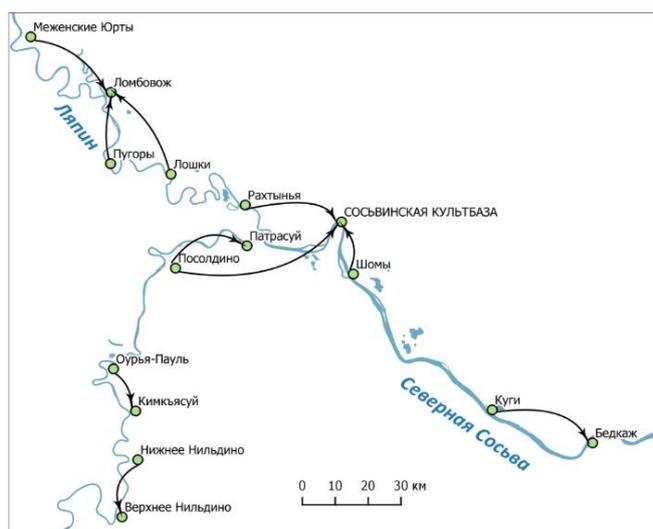
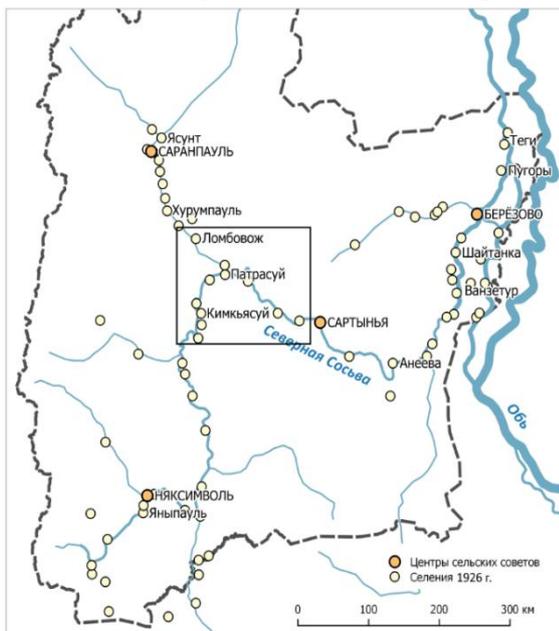

Рис. 1. Сселение 1940–1941 гг. в Березовском районе ХМАО-Югры.

Няксимвольскому сельсовету была поставлена задача переселить 123 хозяйства в 5 центров, расселив 36 юрт. На собрании сельсовета 26 ноября 1940 г., где обсуждалось это сселение, присутствовало 26 человек. Протокол не содержит ни одного критического вопроса или замечания, только деловые комментарии. Депутат Н. А. Алгадьев, манси из юрт Менкья указывает, что план сселения правильно намечен с центром в Хулимсунте, куда сселить Хангласы и Менкью. Хулимсунт не затапливается весной, поблизости имеются олени пастбища, сенокосные угодья и места под огороды, только требующие раскорчевки [25, 26–27]. Тот факт, что сселяются его родные юрты, не артикулируется.

Депутат Н. И. Носов, в свою очередь, отмечает, что при сселении в Усть-Тапсуй деревень Ильпипауль, Ворья, Нирвож и Тимкопауль, место не выдержит, так как недостаточно земли для занятия сельским хозяйством, предлагает альтернативу Нирвож. Решив этот вопрос, сессия постановила развернуть разъяснительную работу среди населения о целях сселения. Из протокола понятно, что сселение вопрос решенный, совет может лишь корректировать детали, но не обсуждать целесообразность сселения, и потому критические замечания бесполезны. Народу требуется объяснить следующее: «...при крупных населенных пунктах правительству лучше обслужить население как культурно-просветительской работой, обучением детей в школах, развить сельское хозяйство и механизировать его, тем самым добившись выполнения поставленных задач 18-м партийным съездом ВКП (б)...» [25, 28]. Сказано достаточно ясно: правительству так удобнее добиваться своих целей – подконтрольности и всеохватности управления, без которых плановую экономику не наладить.

Протокол собрания колхозников юрт Пугоры Приобского нацсовета, состоявшегося 12 марта 1941 г., содержит редкую ка-

тегоричную реплику председателя А. Рябчикова: «Из наших юрт мы никуда выезжать не будем» [25, 82]. Однако при голосовании из 40 присутствующих человек, 36 проголосовали за переселение. Демонстрируют ли голоса большинства реальные плюсы переселения и (или) лояльность советской власти, понять невозможно. Несколько прозрачней ситуация, описанная в жалобе заведующего красным чумом Г. И. Попова [25, 128–129]. Угрозой срыва сселения в д. Тутлейм он считает поведение С.И. Шоколокова из Левкинских юрт, который не дает перевозить свой дом, мотивируя тем, что продал его человеку из Березова. Немногим удалось отстоять свой дом, пойдя против власти и общего мнения [24, 71–72].

Процесс сселения местами стопорился из недостатка отпущенных средств, нерасторопностью строителей, непонятливости отдельных председателей, но, в целом, шел ударными темпами и масштабами. Вся Северная Сосьва пришла в движение. Решительного тона телеграммы и письма летели из колхозов в райцентр и обратно. К середине 1941 г. сселено 340 хозяйств, перевезено и построено 214 колхозных домов и 7 контор. Председатель Березовского райисполкома Албучев рапортовал в июле 1941 г., что после завершения сселения останется только 39 вместо существующих ранее 157 населенных пунктов [25, 211–217]. Сокращение произошло почти исключительно за счет юрт хантов и манси. С такими темпами сселения Березовский район оказался в числе передовых по округу. Война отсрочила процесс дальнейшего укрупнения сельских населенных пунктов, но он продолжится в начале 1950-х гг. Курс на индустриализацию и механизацию сохранится. Сосьвинские колхозы пройдут еще через несколько этапов оптимизации, но так и не станут ни эффективными, ни индустриальными.

Заключение

Взятый в 1928 г. курс на индустриализацию выразился на Севере в череде политических решений, которые кардинально изменили образ жизни коренных народов. На рубеже 1920–1930-х гг. советская власть

меняет тон по отношению к культуре северян: от признания самобытности к признанию отсталости, которую требовалось изжить и скорее влиться в семью советских народов. Создаваемые социалистические

предприятия диктовали другой образ жизни, производственную культуру, уровень образования и профессиональной подготовки. Как следствие государственная политика выразилась в оседании кочующих групп, создании коллективных хозяйств, сселении малых деревень и юрт, внедрении институтов культуры советского образца (культбазы, ликпункты, клубы, интернаты). Объединяющим понятием для этих процессов стала коллективизация. В Березовском районе в нач. 1930-х гг. проведено земле- и водоустройство с целью инвентаризации ресурсов и перехода к плановой экономике. По итогам работ произошла национализация земель, перераспределение угодий в пользу коллективных хозяйств. Манси лишились прав на землю и были приписаны к колхозам, что означало прекращение сезонных миграций и освоение практик оседлого населения (полеводство, животноводство).

Коллективизация имела тотальный характер, затрагивала все стороны жизни, перевернула общественные отношения и социальные связи, изменила структуру расселения. Колхозы создали новый социальный облик сельской местности, олицетворяя советский строй. К 1940 г. в них было трудоустроено более 95 % учтенных государством манси. Как всякая система, основанная на принуждении, колхозы имели низкую эффективность и нулевой потенциал саморазвития. Поскольку избежать коллективизации было нельзя, то единственным доступным ответом был саботаж. Попытки плановой экономики повысить производительность труда за счет укрупнения, сселения и прочих мер были заранее обречены. Лишь со временем, когда неформальные отношения и не-

формальные практики пронизывали колхоз, он становился жизнеспособным.

Колхозы Приобья оказались лишены ключевых для Севера качеств традиционной экономики: подвижности, гибкости, адаптивности, мозаичности. Вместо этого колхозная система воспроизвела в Сибири социалистическое «крепостное право», прикрепив новых крестьян к наделам. Колхозы так и не стали тем, на что рассчитывали большевики, несмотря на культбазы, стахановцев, активистов, комсorghов, всех тех, кто поверил в социалистическую утопию, помогал, ратовал или умело имитировал. Вместо аборигенной самодостаточности хозяйств, местной экономике была привита искусственная зависимость от государства: в орудиях, технологиях, специалистах. Без них колхозы оказались недееспособными. Как следствие, практика уповать на государство и ждать от него помощи, стала со временем весьма распространенной среди коренных народов.

Изменился сам ландшафт Северной Сосьвы: за десять лет произошло четырехкратное сокращение поселенческой сети Березовского района при росте колхозных центров, перенаправлены людские потоки, переброшены угодья. Насажение полеводства и животноводства привело к закреплению у манси практик ведения приусадебного хозяйства. Колхозные центры означали новые стандарты жизни. Ликвидация безграмотности, обязательное школьное образование, мед.обслуживание, советская праздничная обрядовость, технологии быта – все это вошло в жизнь манси в 1930-е гг. и стало ее неотъемлемой частью, создав прочную зависимость от цивилизации.

Литература

1. Скотт, Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни / Дж. Скотт. – М.: Университетская книга, 2011. – 576 с.
2. Головнёв, А. В. Тобольский комитет Севера: жаркое лето 1926 г. [Текст] / А. В. Головнёв // Тобольский архив: прошлое и настоящее Тюменского края: материалы конференции. – Тобольск: ТФГАТО, 1994. – С. 57–62.
3. Новицкий, В. М. Вопросы туземного Тобсевера [Текст] / В. М. Новицкий // Уральский краевед. – 1928. – № 2. – С. 111–117.
4. Доклад о необходимости административно-экономического центра в селе Самаровском / Архивы Югории. – 2012. – № 11. – С. 136–139.
5. Фирсов, Н. Советы Севера к XVII съезду ВКП (б) [Текст] / Н. Фирсов // Советский Север. – 1934. – № 1. – С. 17–21.

6. Материалы I-го национального Остяко-Вогульского окружного съезда Советов (25 февраля – 3 марта 1932 г.) – Остяко-Вогульск : Изд-во Остяко-Вогул. Окрисполкома, 1932. – 33 с.
7. Калачев. Из плана коллективизации Тобольского Севера (Материалы Тобольского Интеграл-союза) [Текст] / Калачев // Бюллетень общества изучения края. – 1929. – № 4. – С. 7–12.
8. Отчет Уральского комитета Севера 1932 г. и пер. пол. 1933 г. – ГАХМАО. – Ф. 1328. – Оп. 1. – Д. 1.
9. II-й окружной съезд советов Остяко-Вогульского национального округа (23–28 декабря 1934 г.). – Остяко-Вогульск : Изд-во Остяко-Вогул. окрисполкома, 1935. – 65 с.
10. Возрожденный народ: к десятилетию образования Ханты-Мансийского национального округа. – Омск : Омское областное изд-во, 1941. – 108 с.
11. Протоколы заседаний президиума Няксимвольского сельского совета (29.01.1938 г. по 08.10.1938 г.). – ААБР. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 14. – 43 л.
12. Список населенных пунктов Уральской области. – Т.12: Тобольский округ. – Свердловск: Изд-во орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов. – 1928. – 231 с.
13. Отчеты за 1938 г. Сосьвинской культбазы. – ГАХМАО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 161. – 43 л.
14. Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. – Екатеринбург : Волот, 2000. – 408 с.
15. Отчет охотоведческого отряда и проект охотничьих хозяйств Березовского района Остяко-Вогульского округа – ГАХМАО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 75. – 74 л.
16. Балин, Б. Г. К истории землепользования у ханты и манси [Текст] / Б. Г. Балин // Краеведческий сборник № 1: Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей. – Ханты-Мансийск : [б.и.], 1958. – С. 13–43.
17. Налимов. Землеводоустройство – основа реконструкции хозяйства Севера [Текст] / Налимов // Ханты-Манчи Шоп. – 1932. – 23 июня.
18. Протоколы заседания организационного пленума Остяко-Вогульского окрисполкома (04.03.1932–02.08.1932 г.) – ГАХМАО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 32. – 14 л.
19. Земельно-промысловый отдел исполнительного комитета Березовского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – ААБР. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 4. – 56 л.
20. Белобородов, В.К. Колыбель гиганта [Текст] / В.К. Белобородов // Обновленная земля. 50 лет Ханты-Мансийскому автономному округу. – Свердловск: Среднеуральское кн. изд-во, 1980. – С. 31–32.
21. ТОЦДНИ (Томский областной центр документации новейшей истории). – Ф. 68. – Оп. 6. – Д. 20.
22. Отчет о работе Сосьвинской культбазы за 1939 г. – ГАХМАО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 175 а. – 27 л.
23. Художественная олимпиада мансийского народного творчества [Текст] / Остяко-Вогульская правда. – 1939. – 26 апр.
24. Хромов, В. В. Край запаха тайги: очерк по истории вогульских поселков Северной Сосьвы. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 150 с.
25. Документы по сселению и оседанию кочевого и полукочевого населения Березовского района. 1941 г. – ГАХМАО. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 130. – 274 л.

References

1. Scott C. J. *Seeing like a state: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven and London, Yale University Press. 464 p. (Russ. ed.: Scott C.J. Blagimi namerenijami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija chelovecheskoj zhizni. Moscow, University Book, 2011. 576 p.)
2. Golovnyov A. V. *Tobol'skij komitet Severa: zharkoe leto 1926 g.* [The Tobolsk Committee of the North: a hot summer of 1926]. *Materialy konf. Tobol'skij arhiv: proshloe i nastojashhee Tjumenskogo kraja* [Tobolsk archive: past and present of Tyumen region. The conference materials]. Tobolsk, 1994, pp. 57-62. (In Russian).
3. Novitskiy V. M. *Voprosy tuzemnogo Tobsevera* [Issues of indigenous Tobolsk North]. *Ural'skij kraeved* [Ural ethnographer], 1928, no. 2, pp. 111-117.
4. *Doklad o neobhodimosti administrativno-jekonomicheskogo centra v sele Samarovskom*. [Report on need of administrative-economic center in Samarovo village]. *Arhivy Jugorii* [Archives of Yugoria], 2012, no. 11, pp. 136-139.
5. Firsov N. *Sovety Severa k XVII sezdu VKP(b)* [The Soviets in the North for XVII Congress of the CPSU(b)]. *Sovetskiy Sever* [The Soviet North], 1934, no. 1, pp. 17-21.

6. *Materialy I-go nacional'nogo Ostjako-Vogul'skogo okružnogo sezda Sovetov, 25 fevralja – 3 marta 1932 g.* [The materials of First national Ostyako-Vogulsky Okrug Congress of Soviets, 25 February – 3 March 1932]. Ostyako-Vogul'sk: Izd-vo Ostjako-Vogul. Okrispolkoma Publ., 1932. 33 p.
7. Kalachev. *Iz plana kollektivizacii Tobol'skogo Severa (Materialy Tobol'skogo Integralsojuza)* [From the Plan collectivization The Tobolsk North (Materials of Tobolsk Integralsojuz)]. *Bjulleten' obshhestva izuchenija kraja* [Bulletin of the society of province research], 1929, no. 4, pp. 7-12.
8. *Otchet Ural'skogo komiteta Severa 1932 g. i per.pol.1933 g.* [Report of Ural board of the North in 1932 – first half of 1933]. *GAHMAO (Gosudarstvennyj arhiv Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga)* [State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. F.1328. Inv.1. S.1.
9. *II-j okružnoj sezda sovetov Ostjako-Vogul'skogo nacional'nogo okruga, 23-28 dekabnja 1934 g.* [The Second regional Congress of Soviets Ostyako-Vogulsky national Okrug]. Ostyako-Vogul'sk: Izd-vo Ostjako-Vogul. Okrispolkoma Publ., 1935. 65 p.
10. *Vozrozhdennyj narod: k desjatiletiju obrazovanija Hanty-Mansijskogo nacional'nogo okruga.* [The Reborn people: For decade of formation Khanty-Mansiysk National Okrug]. Omsk: Omskoe oblastnoe izdatel'stvo Publ., 1941. 108 p.
11. *Protokoly zasedanij prezidiuma Nyaksimvol'skogo sel'skogo soveta 29.01.1938 g. po 08.10.1938 g.* [Protocols of meetings of the Presidium of Nyaksimvol country soviet of 29 January, 1938 – 8 October, 1938]. *AABR (Arhiv administracii Berezovskogo rajona)* [Archive of Administration of Berezovsky district]. F.16. Inv.1. S.14. 43 p.
12. *Spisok naselennyh punktov Ural'skoj oblasti* [The List of settlements Ural region]. Sverdlovsk: Izd.orgotdela Uraloblispolkoma, Uralstatupravlenija i okružnyh ispolkomov Publ., 1928. Vol.12: *Tobol'skij okrug* [Tobolsk okrug]. 231 p.
13. *Otchety za 1938 g. Sos'vinskoj kul'tbazy* [Report of Sosvinskaya cultural station for 1938]. *GAHMAO* [State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. F.1. Inv.1. S.161. 43 p.
14. Redin D. A., Patrikeev N. B. *Očerki istorii Jugry* [Essays on history of Yugra]. Ekaterinburg: Izd-vo Volot Publ., 2000. 408 p.
15. *Otchet ohotovedcheskogo otrjada i proekt ohotnich'ih hozjajstv Berezovskogo rajona Ostjako-Vogul'skogo okruga* [Report of hunting group and the project of hunting farms of Berezovsky district of Ostyako-Vogul'sk National Okrug]. *GAHMAO* [State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. F.43. Inv. 1. S. 75. 74 p.
16. Balin B. G. *K istorii zemlepol'zovanija u hanty i mansi* [To the history of land use of the Khanty and Mansi]. *Kraevedcheskij sbornik no.1* [Local history materials, vol. 1]. *Hanty-Mansijskij okružnoj kraevedcheskij muzej* [Khanty-Mansiysk Okrug history museum]. Khanty-Mansiysk: 1958. pp. 13–43.
17. Nalimov. *Zemlevodoustrojstvo – osnova rekonstrukcii hozjajstva Severa* [Land and water management as the basis of reconstruction of the North economy]. *Hanty-Manchi Shop* [Hanty-Manchi Shop], 1932, 23 June.
18. *Protokoly zasedanija organizacionnogo plenuma Ostjako-Vogul'skogo okrispolkoma 4 March 1932 – 2 August 1932* [Protocols of meeting of the organizational Plenum of Ostyako-Vogul'sk Executive Committee in 4 March, 1932 – 2 August, 1932]. *GAHMAO* [State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. F.1. Inv.1. S.32. 14 p.
19. *Zemel'no-promyslovyy otdel ispolnitel'nogo komiteta Berezovskogo rajonnogo Soveta rabochih, krest'janskih i krasnoarmejskih deputatov* [Land management department of the Executive Committee of Berezovsky district Soviet of the workers, peasant and red army deputies]. *AABR* [The Archive of Administration Berezov district]. F.17. Inv.1. S.4. 56 p.
20. Beloborodov V. K. *Kolybel' giganta. Obnovlennaja zemlja. 50 let Hanty-Mansijskomu avtonomnomu okrugu* [The Cradle of the Giant. A Renewed Earth. 50 Years of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Sverdlovsk: Sredneural'skoe kn.izd. Publ, 1980. pp. 31-32.
21. *TOCDNI (Tomskij oblastnoj centr dokumentacii novejshej istorii)* [The Tomsk regional center of documentation of the newest history]. F.68. Inv.6. S.20.
22. *Otchet o rabote Sos'vinskoj kul'tbazy za 1939 g.* [Report of Sosvinskaya cultural station for 1939]. *GAHMAO* [State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. F.1. Inv.1. S.175a. 27 p.
23. *Hudozhestvennaja olimpiada mansijskogo narodnogo tvorcestva* [The Art Olympiad of the Mansi folk art]. *Ostjako-Vogul'skaja Pravda* [Ostjako-Vogul'skaja Pravda], 1939, 26 April.
24. Khromov V. V. *Kraj zapaha tajgi: ocherk po istorii vogul'skih poselkov Severnoj Sos'vy* [The Land of the Taiga Smell: a History essay Vogul villages of the Severnaya Sosva]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2004, 150 p.
25. *Dokumenty po sseleniju i osedaniju kochevogo i polukochevogo naselenija Berezovskogo rajona.* 1941 g. [Materials of relocation and settling of nomadic and semi-nomadic population of Berezovsky district]. *GAHMAO* [State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. F.114. Inv.1. S.130. 274 p.